

Нет ничего дороже той копеечки

Ярославцы в 1812 году под Смоленском, Москвой и дома

Россия в нынешнем году отмечает 200-летие Отечественной войны 1812 года. Внутри этой даты есть и свои, ярославские дни, о которых стоит помнить.

Ровно два века назад, 30 июля 1812 года, увидело свет так называемое Предложение Ярославской городской думы. В государственном архиве Ярославской области мне показали подлинник, написанный на толстой грубой серо-голубой бумаге зитиветатом писарским почерком: «...Государь наш призывает все сословия, купеческие и мещанские, к пожертвованиям на пользу Отечеству... Знаменитый подвиг гражданина Минина да будет примером всем и каждому».

В манифесте Александра I, о котором речь, народные ополчения были названы «второй оградой Родины». Угроза величайшей опасности нависла над самим существованием страны. Примечательна ссылка на ополчение 1612 года и его «министра финансов» Кузьму Минина. Профессиональная армия во главе с офицерским дворянством — это главное. Но этого мало. Нужно пустить шапку по кругу, чтобы организовать ещё одну военную силу — ополчение, подобное нижегородско-ярославскому, сыгравшему в своё время решающую роль в изгнании иноземных захватчиков.

Передо мной увесистая книга Комитета Ярославской военной силы с перечнем, от кого поступили деньги на ополчение и сколько.

Есть коллективные взносы: «Приняты от Любимской городской думы пожертвованных тамошним обществом 8070 рублей».

Есть частные: от 100 рублей, внесённых гвардии поручиком Василием Чириковым, до 10 рублей от поручика Николая Ушакова и совсем скромного взноса подпоручика Петра Гринёва — 5 рублей. Губернатор Голицын внёс лично 5 тысяч рублей. 6200 рублей ассигнациями поступило от монастырей и церквей. От них же серебром 506 рублей 60 копеек. И отсюда же медными копейками (!) 18 3/4 копейки. И не было ничего дороже той самой медной копейки — может быть, самого весомого взноса из всех.

Поставляли лошадей, сбрую, экипировку для ополченцев. По данным современных исследователей, всего по Ярославской губернии было

собрано денежных и вещевых взносов на общую сумму 817550 рублей.

Архивные документы хранят любопытные детали повседневной жизни того времени.

Ряд ярославских жителей купеческого и мещанского сословия выразили желание вступить в батальон, формируемый сестрой императора Великой княгиней Екатериной Павловной.

В связи с угрозой вторжения неприятельских войск в пределы Ярославской губернии самые важные бумаги начали готовить к эвакуации: «Архивариусу Дворянского собрания, титулярному советнику Колпину велеть, нисколько не медля, хранящиеся в собрании документы, порядочно собрав, изготовить к вывозу, куда назначено будет под его присмотром». Предполагалось переправить их в Нижний Новгород. Но довезли только до заволжских деревень, часть разместили в Тверицах.

В прифронтовой полосе Центральной России началась массовая организация горожан на случай вторжения французов. Очень активно — в Смоленской губернии, а после взятия Москвы начали готовиться к этому и в нашем Ростове Великом. Специальные отряды, вооружённые топорами, вилами, косами, а то и просто дубинами, несли караулы.

В сентябре по указу генерал-губернатора стали принимать меры по обеспечению безопасности церквей и монастырей и их имущества. В случае подступа неприятельских войск к пределам губернии они тоже должны были подготовиться «к вывозу, куда назначено будет». Канцелярия Ярославской духовной консистории обратилась к гражданскому губернатору князю М. Н. Голицыну с просьбой о выделении десяти подвод для вывоза в безопасное место имущества и казны ярославского Успенского собора.

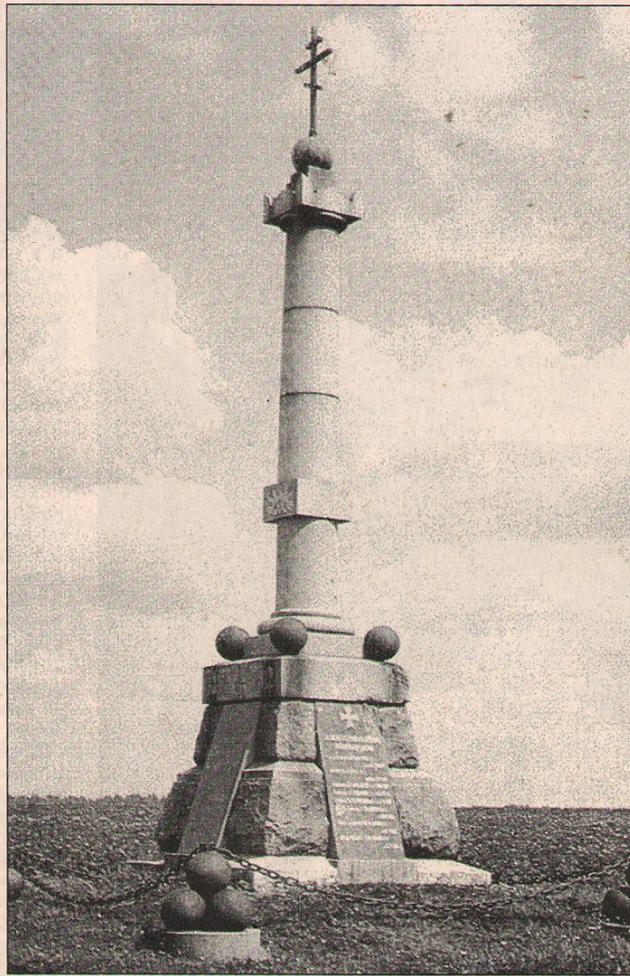
Если представить себе Ярославль того времени, то можно понять, почему проблему десяти подвод мог тогда решить только губернатор. Город переполнен беженцами из Москвы и ранеными, с каждым днём продолжали прибывать и

те, и другие. У меня в руках несколько скреплённых вместе страничек — перевод с французского одного из самых интересных свидетельств о Ярославле тех дней. Автор между прочим рассуждает и о церковных ценностях: «Я не понимаю, как Наполеону не пришло в голову послать несколько отрядов в нашу сторону: два таких богатых монастыря, как Ростовский и Троице-Сергиева лавра, расположенные на самой большой дороге в Ярославль, могли бы представить лакомый кусок для французских солдат, а в самом Ярославле можно было найти огромные запасы ржи, сена, муки и полотна. Но, к нашему счастью, нас оставили, как и монахов, в покое, и нам пришлось видеть французов только в качестве пленных».

Автор этих до сих пор не изданных полностью записок — Наталья Фёдоровна Нарышкина, старшая дочь главнокомандующего (генерал-губернатора) Москвы графа Фёдора Васильевича Ростопчина. В 1812 году семья Ростопчина, спасаясь от неприятеля, как и многие другие, нашла приют в Ярославле. Наталья Фёдоровна тогда было 15 лет, она провела здесь два месяца. Известно, где жила семья: это сохранившаяся до сих пор усадьба Матвеевских на Ильинской (Советской) площади. Наталья Фёдоровна пишет о холодности, с какой Ростопчины были встречены другими «переселенцами из Москвы». По её словам, «они были восстановлены против отца за то, что не были своевременно извещены о сдаче города».

Можно понять дочь, для которой он просто любимый отец. Но современники так и не простили Ростопчину знаменитых «афишек», как сказали бы сейчас — листовок, в которых тот обращался к народу, ёрничая, высмеивая французов «простонародным языком» и преувеличивая наши победы. Накануне Бородинского сражения он даже удерживал людей, пытавшихся выехать из Москвы. А что касается её возможной сдачи, то, как писали потом историки, отчасти с намерением скрыть истину, отчасти вследствие незнания истинных планов Кутузова, когда враг был уже у порога Москвы, он провозглашал в своих «афишках» полнейшую невозможность неприятеля даже приблизиться к столице.

Возможно, всё было ещё проще. Бесталанный стратег Ростопчин ненавидел Кутузо-

ва. В записках дочери цитируются несколько его писем родным, в одном из них есть слова: «Сегодня утром я был у проклятого Кутузова». Полководец в его письмах — это засыпаящий в своём кресле старик, ничего не понимающий и не желающий понимать в окружающей обстановке.

Ростопчин не простила Кутузову уход из Москвы, но, судя по всему, оставался патриотом: «Эта погубленная Москва погубит и злодея», — писал он семье в Ярославле. Ещё из письма, которое цитирует дочь: «Крестьяне Московской губернии ведут себя как древние русские. Третьего дня пришло известие, что 3 тысячи крестьян побили и прогнали в 35 верстах от Москвы 800 французов, явившихся фуражировать». Сердце его болело за происходящее. Старший сын Ростопчина Сергей находился в армии, адъютантом при Барклае де Толли.

Против захватчиков поднялась вся Россия, все, кто как мог:

простые и чиновные, богатые и бедные, умные и заурядные, крестьяне, купцы — самые разные люди, объединённые, как и во все трудные времена в России, чем-то большим, чем личные пристрастия.

Но главным действующим лицом в той войне — при всём уважении к ополчению и другим формам народного сопротивления — была всё-таки армия. Кем были те ярославцы, которые встречались с врагом лицом к лицу на полях сражений? Имена некоторых с очень краткими, но подчас весьма впечатляющими характеристиками, к счастью, сохранились. В 1816 — 1817 годах вышел царский указ о назначении участникам Отечественной войны пенсия. Список, представленный в связи с этим ярославскому губернатору, сейчас передо мной. Вот несколько имён.

По городу Ростову: «Фейерверкер Пётр Киреев» — 34 года. Лицом бел, глаза серые, волосом тёмно-рус, не

имеет левой руки. Ранен в местечке Чешенцами, рука левая отбита, нога левая полей ранена. Служил в лейб-гвардии артиллерийском батальоне. Сейчас не служащий инвалид, получает провиант на амуницию».

По городу Ярославлю: «Бомбардир Степан Ивано Козырев. 49 лет. Лицом бел, волосы светло-русые, ранен левую руку и до плеча оторвана. Ранен в сражении при Смоленске в тринадцати верстах от него. Служил в 1-й резервной армии с 1806 года. Сейчас не служащий инвалид, получает 3 рубля 10 копеек в треть (в квартал). — Т. Е.), провиант, квартиру и амуницию».

По Мышкинскому уезду. «Платон Сергеев Муравьев. Рядовой, 33 года. Ранен при селе Бородине в бедро правой ноги с перешибом кости. Служил в артиллерийской бригаде в 1-й роте. Пенсия не получает. Признан ни к какой службе не способным». (На снимке: памятник этой лейб-гвардии артиллерийской бригаде на Бородинском поле.)

Просматривая толстые книги документов, помеченных 1812 годом, обращаю внимание на бумагу. Очень толстая, серо-зелёная, «из тряпок», — комментирует сотрудница архива. Как раз такую делали тогда у нас на Большой мануфактуре. Не сохранились ли водяные знаки? Находим страницу, испорченную не полностью, смотрим на просвет... И точно! Перед глазами ясно проступают две буквы ЯМ. Возможно, справа есть ещё буква, но густо исписанный в этой части страницы листок не позволяет убедиться в предположении определёнno.

В первые водяными знаками, которыми помечали свою продукцию Затрапезновы, а потом Яковлевы, заинтересовался первый летописец предприятия А. Ф. Грязнов. Не обошла их вниманием современный историк Н. И. Балужева. Так что есть все основания утверждать: и документы Ярославского губернского дворянского собрания, и протоколы заседаний городской думы, и книги Комитета Ярославской военной силы, и дела из канцелярии губернатора, и донесения о боях казачьих полков на ярославской дороге во время отступления неприятеля из Москвы написаны на бумаге, изготовленной на Ярославской мануфактуре.

Тоже показательный факт, не так ли?

Татьяна ЕГОРОВА.

Мы так хотели, чтобы он жил

Нелепый несчастный случай оборвал жизнь Коли Рагулина

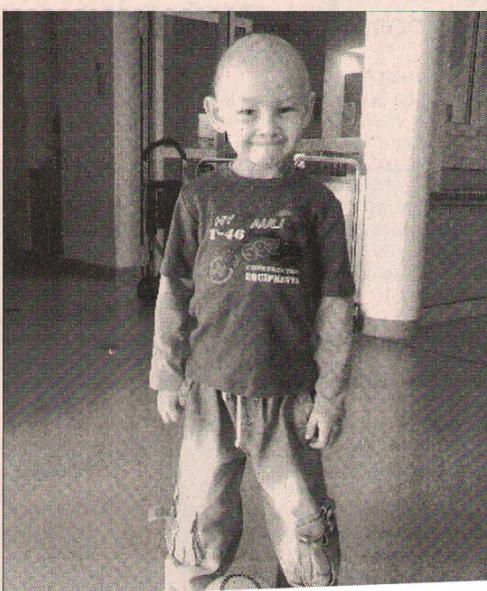
2 августа примерно в шесть часов вечера из окна квартиры на улице Ошурковской, 22, в Рыбинске упал шестилетний мальчик. Он умер на руках отца ещё до приезда «скорой». Это был Коля Рагулин — тот самый мальчик, в судьбе которого приняли участие тысячи людей в Рыбинске, России, в мире... От самый малыш, за жизнь которого упрямо неистово многие годы боролся отец.

История семьи Рагулиных известна многим благодаря прессе и Интернету. Когда умерла жена, Игорь остался вдвоём с крохотным сынишкой Колей, которому тогда не было и двух лет. Ни бабушек, ни дедушек у них не было. Только сестра подменяла Игоря на выходные, идеала с мальчиком, пока отец его шаблонно грузчиком или разнорабочим — постоянную работу он потерял сразу, когда стал ину и мамой, и папой одновременно. Написал готовит, мыть, стирать, ухаживать малышом...

А когда пришло время устраивать сына детский сад, они отправились по врачам.

цу срочно необходима MIBG-терапия — разновидность лучевой терапии, при которой в вену ребёнка вводится раствор радиоактивного йода. Россия пока на такое лечение не способна. Фонд начал поиск клиник в Европе и вновь объявил сбор средств. И снова на помощь пришли земляки-рыбинцы. Каждое воскресенье на дебаркадере работал мастер по аквагриму, на аэродроме Южный Русское радио провело дискотеку, все выреченные средства пошли на Колю лечение. Коробки для сбора средств появились в одном из торговых центров города... Впрочем, деньги в фонд приходили отовсюду. Необходимую сумму собрали. Но возникли новые сложности — многие европейские клиники просто отказывали в лечении, ссылаясь на слишком тяжёлое состояние мальчика. И всё же в сентябре Рагулины отправились в клинику Грайфсвальда в Германию.

Консилиум врачей обдумывал

СПОРТ

Одна надежда — на Олимпиаду в Рио

7 августа в олимпийском Гайд-парке финишировал мужской триатлон. «Золото» и «бронза» — у британцев братьев Браунли, «серебро» завоевал испанец Хавьер Гомес. Лучший из россиян — рыбинский спортсмен Александр Брюханков — пришёл к финишу седьмым, его земляк Иван Васильев — тринадцатым.

Триатлон. Сложнейшая дистанция: заплыв на 1500 метров, велосипедная гонка на 43 километра (семь кругов по 6137 м), а затем — беговая десятикилометровка (четыре круга по 2,5 км). После заплыва Иван Васильев пересел на велосипед шестым, Дмитрий Полянский — седьмым, Александр Брюханков — тринадцатым. Прокол колеса практически вывел из борьбы Полянского, сбросив его на 37-ю позицию. Уже на четвёртом велокруге Иван и Александр вели борьбу в лидерском пелетоне, на седьмом — Васильев преследует тройку лидеров, но завершает велогонку на одиннадцатой позиции. Брюханков — девятнадцатый.

На беговом этапе в отрыв устремились братья-британцы Алистер и Джонатан Браунли и испанец Хавьер Гомес. А за ними четвёртым был уже Александр Брюханков, который сумел обойти на этой дистанции 15 спортсменов и уступил лидером лишь 17 секунд. К середине беговой дистанции он пришёл седьмым и сумел сохранить эту позицию до финиша. Было видно, что